

Александр Бестужев-Марлинский

Стихотворения

Александр Бестужев-Марлинский

Стихотворения

«Public Domain»

Бестужев-Марлинский А. А.

Стихотворения / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain»,

«Он привстал с канапе, Он понюхал ране, Он по комнате вдруг
запахал, Подошел он к бумаге стопе И „Поэма“ на ней написал....»

Содержание

К Рылееву[2]	5
Эпиграмма на Жуковского[7]	6
Михаил Тверской[9]	7
Шебутуи[11]	9
Часы[14]	11
К облаку[15]	13
Дополнения	14
Череп	14
Тост	16
На Казбек слетелись тучи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Стихотворения¹

К Рылееву²

Он привстал с канапе,³
Он понюхал ране,⁴
Он по комнате вдруг зашагал,
Подошел он к бумаги стопе
И «Поэма»⁵ на ней написал.
Вот приходит Плетнев,⁶
Он певец из певцов,
Он взглянул, он вздрогнул, он сказал:
«За возвышенный труд
Не венец тебе – кнут
Аполлон на Руси завещал».

1823 или 1824 (?)

² К Рылееву. Впервые – в «Русской старине», 1893, К 4, с. 54, по копии, хранившейся в Берлинской королевской библиотеке. По форме стихотворение является пародией на балладу Жуковского «Иванов вечер» («Замок Смальгольм», 1822).

³ Канапе (фр.) – небольшой диван с приподнятым изголовьем.

⁴ Рапе (фр.) – напиток, приготовленный из свежего винограда.

⁵ «Поэма» – возможно, имеется в виду поэма Рылеева «Война-ровский» (1825).

⁶ Плетнев П. А. (1792—1865) – русский критик и поэт, друг Пушкина; направлению творчества Рылеева не сочувствовал.

Эпиграмма на Жуковского⁷

Из савана оделся он в ливрею,
На пудру променял лавровый свой венец,
С указкой втерся во дворец;
И там, пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею⁸...
Бедный певец!

1824

⁷ <Эпиграмма на Жуковского> (стр. 367). Первоначально приписывалась Пушкину и печаталась в его «Стихотворениях». На принадлежность ее А. Бестужеву впервые указал его брат Михаил Бестужев («Русская старина», 1870, К 6). В эпиграмме пародируются начальные строки стихотворения Жуковского «Певец».

⁸ Камер-лакей – старший придворный лакей.

Михаил Тверской⁹

В темнице мрачной и глухой
Ночною празднею порой
Лампада томная мелькает
И слабым светом озаряет
В углу темницы двух мужей:
Один во цвете юных дней;
Другой, окованный цепями,
Уже покрыт был сединами.
Зачем сей старец заключен
В твоих стенах, жилище страха?
Здесь век ли кончить присужден,
Или ему готова плаха?..
Не слышно вздохов на устах,
И в пламенных его очах
Божественный поной сияет.
То к небу взор он подымает,
То с нежной грустию глядит
На сына, полного печали,
И так в утеху говорит:
«В слезах довольно утопали
Твои глаза, друг добрый мой;
Пора расстаться мне с тобою
И Михайловой главою¹⁰
Купить отечеству покой.
Всегда будь верен правде, чести.
И если хочешь, чтоб венец
Имел веселью твой отец,
Оставь врагов его без мести...»
На площади народ шумит
В столице хищных, злобных ханов,
России яростных тиранов;
Он с зверской радостью глядит
На труп, весь ранами покрытый.
Над ним, отчаяньем убитый,
Младой князь слезы горьки льет.
Свои власы, одежду рвет,
Татар, Узбека укоряет
И бога мести призывает...
Он внял ему, сей сильный бог,
Россиянам восстать помог

⁹ Михаил Тверской. Впервые в «Сыне отечества», 1824, К 39, стр. 277—279, за подписью: Б.....в. Принадлежность этой думы А. Бестужеву долгое время оставалась неизвестной. Авторство установил Б. В. Томашевский (см.: «Ученые записки ЛГУ», ЛГУ, вып. 25, 1955). Написано в духе исторических «Дум» Рылеева.

¹⁰ И Михайловой главою... — Князь Михаил Тверской был замучен в Золотой Орде в 1318 г.

И снял с лица земли тиранов:
Их город стал жилищем вранов;
Иссохли злачные луга,
Ослабла в брани их рука,
И, пораженные слугами,
Они их сделали рабами.

<1824>

Шебутуй¹¹ (*Водопад Станового хребта*)

Стенай, шуми, поток пустынной,
Неизмеримый Шебутуй,
Сверкай от высоты стремнинной
И кудри пенные волнуй!
Туманы, тучи и метели
На лоне тающих громад,
В гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поят.
Но, пробужденный, ты, затворы
Льняных пелен преодолев,
Играя, скачешь с гор на горы,
Как на ловитве¹² юный лев.
Как летопад из вечной урны,
Как неба звездомлечный путь,
Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую¹³ грудь;
И над тобой краса природы,
Блестя как райской птицы хвост,
Склоняет радужные своды,
Полувоздушных перлов мост.
Орел на громовой дороге
Купает в радуге крыле,
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зеркальной скале.
А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрее,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустию теней.
Катись под роковою силой,
Неукротимый Шебутуй!
Твое роптанье – голос милой;
Твой ливень – братний поцелуй!
Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль, —
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль...
Тебе подобно, гордый, шумной,
От высоты родимых скал,
Влекомый страстию безумной,

¹¹ Шебутуй (Водопад Станового хребта). Впервые – в «Московском телеграфе», 1831, К 12, стр. 425—426, с пометой вместо подписи: * 1829. Иркутск. В Полном собрании стихотворений 1948 года напечатано по тексту автографа.

¹² Ловитва – то же, что ловля, охота.

¹³ Халцедоновый. – Халцедон – разновидность кварца, полудрагоценный камень, обычно светлого тона.

Я в бездну гибели упал!
Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!
О жребий! если в этой жизни
Не знать мне радости венца, —
Хоть поздней памятью обрызни
Могилу тихую певца.

Май, 1829

Часы¹⁴

И дум и дел земных цари,
Часы, ваш лик сияет страшен,
В короне пламенной зари,
На высоте могучих башен,
И взор блюстителный в меди
Горит, неотразимо верный,
И сердце времени в бесчувственной груди
Чуть зыблется приливом силы мерной.
Оживлены чугунного стрелой
На вас таинственные роки,
И оглашает вещий бой
Земле небесные уроки.
Но блеск, но голос ваш для ветреных племен
Звучит и озаряет даром
Подобно молнии неведомых писем,
Начертанных пред Вальтасаром.
«Летучее мгновение лови, —
Поет любимцу голос лести, —
В нем золото и ароматы чести,
Последний пир, свидания любви
И наслажденья тайной мести».
И в думе нет, что упований прах
Дыханье времени уносит,
Что каждый маятника взмах
Цветы неверной жизни косит.
Заботно времени шаги считает он
И бой к веселию призывный;
Еще не смолк металла звон,
А где же ты, мечты поклонник дивный?
Окован ли безбрежный океан
Венцом валов – минутной пеной?
Детям ли дней дался победный сан
Над волей века неизменной?
Безумен клик: «хочу – могу».
Вознес Наполеон строптивую десницу,
Сдержать мечтая на бегу
Стремимую веками колесницу...
Она промчалась! Где ж твой меч,
Где прах твой, полубог гордыни?
Твоя молва – оркан пустыни,
Твой след – поля напрасных сеч.
Возникли светлые народов поколения
И внемлют о тебе сомнительную речь

¹⁴ Часы. Впервые – в «Литературной газете», 1830, № 27, от 11 мая, без подписи.

С улыбкой хладного презренья.

1829

К облаку¹⁵

Куда столь быстро, и легко,
И гордо, и прелестно
Ты пролетаешь, облачко,
Скиталец поднебесный?
Земли бездомное дитя,
Игралище погоды,
Напрасно, радугой блестя,
Ты, радостью природы!
Завоев вихрь, взметая прах, —
И ты из лона звездна
Дождем растаешь на степях
Бесславно, бесполезно!..
Блести, лети на ветерке,
Подобно нашей доле, —
И я погибну вдалеке
От родины и воли!

1829. Якутск

¹⁵ К облаку. Впервые – в Полном собрании сочинений, ч. XI, 1838, стр. 139, под заглавием «Облако», с неточным текстом 8-й строки. В Собрании стихотворений 1948 года напечатано по автографу. Подпись: А. Б. Дата: 1829, Якутск.

Дополнения

Череп

Was grinsest du mir, hohler Schadel, her?
Als dass dein Him, wie meines, einst verwirret
Den leichten Tag gesucht und in der Dammrungschwer,
Mit Lust nach Wahrheit jammerlich geirret.
Goethe's Faust¹⁶

Кончины памятник безгробный!
Скиталец-череп, возвести:
В отраду ль сердцу ты повержен на пути
Или уму загадкой злобной?
Не ты ли – мост, не ты ли – первый след
По океану правды зыбкой?
Привет ли мне иль горестный завет
Мерцает под твоей ужасною улыбкой?
Где утаен твой заповедный ключ,
Замок бессмертных дум и тленья?
В тебе угас ответный луч.
Окрест меня туман сомненья.
Ты зкизнию кипел, как праздничный фиал,
Теперь лежишь разбитой урной;
Венок мышления увял,
И прах ума развеял вихорь бурный!
Здесь думы в творческой тиши
Роилися, как звезды в поднебесной,
И молния страстей сверкала из души,
И радуга фантазии прелестной.
Здесь нежный слух вкушал воздушный пир,
Восхищен звуков стройным хором;
Здесь отражался пышный мир,
Бездонным поглощенный взором.
Где ж знак твоих божественных страстей,
И сил, и замыслов, грань мира облетевших?
Здесь только след презрительных червей,
Храм запустения презревших!
Где ж доблести? Отдай мне гроба дань,
Познаний светлых темный вестник!
Ты ль бытия таинственная грань?
Иль дух мой – вечности ровесник?
Молчишь! Но мысль, как вдохновенный сон.

¹⁶ Что скалишь зубы на меня, пустой череп? Не хочешь ли сказать, что некогда твой мозг, подобно моему, в смятении искал радостных дней и в тяжких сумерках, жадно стремясь к истине, печально заблуждался? «Фауст» Гете (нем.) – Ред.

Летает над своей покинутой отчиной,
И путник, в грустное мечтанье погружен,
Дарит тебя земле мирительною тризной.

1828

Тост

Вам, семейство милых братии,
Вам, созвездие друзей,
Жар приветственных объятий
И цветы моих речей!
Вы со мной и лед сомненья
Растопил отрадный луч,
И невольно песнопенья
Из души пробился ключ!
В благовонном дыме трубок,
Как звезда, несется кубок,
Влажной искрою горя
Жемчуга и янтаря;
В нем, играя и светлея,
Дышит пламень Прометея,
Как бессмертия заря!
Раздавайся ж, клик заздравный,
Благоденствие, живи
На Руси перводержавной,
В лоне правды и любви!
И слезами винограда
Из чистейшего серебра
Да прольется ей услада
Просвещения и добра!
Гряньте в чашу звонкой чашей,
Небу взор и другу длань,
Вознесем беседы нашей
Умилительную дань!
Да не будет чужестранцем
Между нами бог ланит,
И улыбкой, и румянцем
Нас здоровье озарит;
И предмет всемирной ловли,
Счастье резвое, тайком
Да слетит на наши кровли
Сизокрылым голубком!
Чтоб мы грозные печали
Незаметно промечтали,
Возбуждаемы порой
На веселье и покой!
Да из нас пылает каждый.
Упитав наукой ум,
Вдохновительною жаждой
Правых дел и светлых дум,
Вечно страху неприступен,
Вечно златом неподкупен,

Безответно горделив
На прельстительный призыв!
Да украсят наши сабли
Эту молнию побед,
Крови пламенные капли
И боев зубчатый след!
Но, подобно чаше пирной
В свежих розанах венца,
Будут искренностью мирной
Наши повиты сердца!
И в сердцах – восторга искры,
Умиления слеза,
И на доблесть чувства быстры,
И порочному – гроза!
Пусть любви могущий гений
Дает вам радости цветы
И перуны вдохновений
В поцелуе красоты!
Пусть он будет, вестник рая,
Нашей молодости брат,
В пламень жизни подливая
Свой бесценный аромат.
Чтобы с нектаром забвенья
В тихий час отдохновенья
Позабыть у милых ног
Меч, и кубок, венок.

1829

На Казбек слетелись тучи

На Казбек слетелись тучи,
Словно горные орлы...
Им навстречу, на скалы
Уздней отряд летучий
Выше, выше, круче, круче
Скачет, русскими разбит:
След их кровью кипит.

На хвостах полки погони;
Занесен и штык, и меч;
Смертью сеется картечь...
Нет спасенья в силе, в броне...
«Бегу, бегу, кони, кони!»
Пали вы, — а далека
Крепость горного леска!

Сердце наших — русских мета...
На колена пал мулла —
И молитва, как стрела,
До пророка Магомета,
В море света, в небо света,
Полетела, понеслась:
«Иль-Алла, не выдай нас!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.